

Просвѣтительная дѣятельность проф. А. Н. Краснова среди рабочихъ.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ минувшаго вѣка среди рабочихъ на харьковскихъ фабрикахъ и заводахъ стало извѣстно, что при мастерскихъ желѣзной дороги открылись вечерніе курсы. Рабочіе, начиная отъ подростковъ до лицъ съ многочисленными уже семьями, забывая изнурительную усталость 10-тичасовой работы въ душныхъ, пыльныхъ и грязныхъ помѣщеніяхъ, спѣшили послушать лекціи. Не смущались при этомъ и дальнимъ разстояніемъ и шли, напр., изъ района паровозостроительнаго завода до желѣзнодорожныхъ мастерскихъ 40—50 минутъ. Но интересъ къ этимъ лекціямъ возросъ чрезвычайно, когда сталъ читать лекціи проф. А. Н. Красновъ. Рабочіе безошибочно увидѣли въ А. Н. «необыкновеннаго», «безкорыстнаго»¹⁾.

Черезъ 2—3 года открылись курсы для рабочихъ при ремесленномъ училищѣ на Петинской улицѣ²⁾. Лучшая пора этихъ курсовъ неотдѣлимо связана съ именемъ А. Н. То была пора, когда умственная атмосфера рабочихъ была, можно сказать, насыщена научными интересами. Нерѣдко можно было встрѣтить группы рабочихъ, въ которыхъ обсуждались вопросы изъ области геологіи или ботаники, изъ астрономіи, географіи, исторіи, политической экономіи и т. д.

А. Н., излагая ту или другую научную дисциплину, всегда стремился давать слушателямъ истинное знаніе, которое, какъ онъ всегда говорилъ, должно быть свободно и отъ политическихъ, и отъ партійныхъ, и отъ религіозныхъ тенденцій. Лекторъ,—утверждалъ А. Н.,—излагая свой предметъ, не долженъ приспособляться къ тѣмъ или инымъ воззрѣніямъ слушателей и общества, онъ долженъ неуклонно стремиться къ истинѣ,

¹⁾ См. «Южн. Край» 24 декабря 1914 г. статья Бѣланова.

²⁾ Очеркъ исторіи этихъ курсовъ см. въ «Трудахъ созданнаго Харьковскимъ О-вомъ Грамотности 7—12 іюня 1915 г. въ г. Харьковѣ съѣзда по организаціи разумныхъ развлеченій». 1915 г.; докладъ Совѣта Рабочихъ Курсовъ.

становясь выше всего временного и случайного. Слушатель долженъ получать на лекціи чистыя знанія, а какъ онъ будетъ примѣнять это знаніе въ жизни—это его личное дѣло.

Такая точка зрѣнія А. Н. встрѣчала противниковъ какъ со стороны нѣкоторыхъ лекторовъ, такъ и среди слушателей. Въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта А. Н. приходилось отражать бурные натиски несогласныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Совѣтѣ Курсовъ, кромѣ педагогическаго персонала принимали участіе и курсисты-рабочіе по одному человѣку отъ каждого курса (курсовъ было 4). Нельзя не отмѣтить, что самъ А. Н. къ такому участію въ дѣлахъ курсовъ рабочихъ относился крайне сочувственно. «Участіе въ Совѣтѣ представителей отъ слушателей, говоритъ онъ въ историческомъ очеркѣ курсовъ, имѣло свое хорошее вліяніе на его дѣятельность. Представители никогда не вмѣшивались въ дѣла, находившіяся внѣ ихъ компетенціи, но всегда были готовы прійти на помощь Совѣту имѣющимися у нихъ свѣдѣніями относительно разныхъ недоразумѣній и затрудненій, возникавшихъ у курсистовъ, и благодаря имъ, Совѣтъ избѣгъ многихъ нежелательныхъ мѣропріятій и постановленій».

Вопросъ о характерѣ лекцій въ ту пору былъ чрезвычайно острымъ, насущнымъ и животрепещущимъ. Это была пора освободительныхъ годовъ, когда мыслящая часть рабочихъ какъ бы пробудившись отъ многовѣкового сна, бурно рвалась найти разрѣшеніе многихъ вопросовъ какъ экономическаго, такъ и политическаго и религіознаго характера. И положеніе лекторовъ, которымъ приходится касаться названныхъ вопросовъ было нелегкимъ, такъ какъ ихъ слушатели нерѣдко являлись уже съ сложившимися отрицательными взглядами.

И вотъ, несмотря на то, что А. Н. не придерживался явно выражаемыхъ тенденцій аудиторіи, его лекціи проходили переполненными, и слушатели съ величайшимъ напряженіемъ слѣдили за каждой мыслью. Трудно передать словами то вниманіе, какъ выражалось на лицахъ ихъ. Можно сказать, что аудиторія была въ повиновеніи у своего лектора такъ, какъ повинуется музыкальный инструментъ выдающемуся музыканту; или голосъ пѣвца повинуется вдохновенному артисту. На лицахъ слушателей можно было видѣть какъ одно душевное переживаніе смѣнялось другимъ: то вы видите восторгъ, то изумленіе, то глубокую сосредоточенность и серьезность, переходящая въ чувство удовлетворенія и радости.

Общая группа дѣятелей Харьковскихъ рабочихъ курсовъ. Надъ зданіемъ курсовъ — проф. В. Я. Данилевскій, выше его — проф. А. Н. Красновъ. Влѣво отъ него — проф. Л. Л. Гиршманъ и проф. И. П. Осиповъ, вправо — проф. А. С. Брію, проф. В. И. Савва.

А. Н. читалъ и ботанику, и географію, и геологію. Но съ особеннымъ интересомъ слушались его лекціи по географіи. Тутъ воображеніе слушателя буквально путешествовало [вмѣстѣ съ лекторомъ изъ одной мѣстности въ другую, изъ страны въ страну. Лекціи А. Н. въ высокой степени расширяли умственный горизонтъ рабочихъ. Жадный и пытливый умъ ихъ получалъ благотворнѣйшую пищу.

Нельзя не поражаться той любви и энергіи, какія проявлялъ А. Н. къ своему дѣтищу—курсамъ. Словно любящій отецъ, А. Н., ставъ во главѣ ихъ, неуклонно стремился создать возможно лучшія условія существованія ихъ и дальнѣйшаго развитія. Благодаря его энергичному старанію, на курсахъ въ числѣ лекторовъ появились лучшія мѣстныя университетскія силы. Слѣдующее, напр., рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. Н. одинъ изъ участниковъ рабочихъ курсовъ—проф. В. И. Савва: «Преданный курсамъ всей своей душой, А. Н., въ поискахъ для нихъ лекторовъ, нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ призывомъ читать лекціи по русской исторіи рабочимъ. Перспектива путешествій на отдаленную отъ моей квартиры Петинскую улицу, гдѣ находились курсы, смущала меня, тѣмъ болѣе, что и досугомъ я далеко не обладалъ, но А. Н., приходя ко мнѣ, всякій разъ съ такимъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о слушателяхъ курсовъ, что увлекъ меня, и я согласился читать. Въ назначенный день для первыхъ лекцій А. Н. зашелъ за мною, и мы отправились вмѣстѣ. Я попросилъ его быть на моей первой лекціи, чтобы онъ, какъ уже знакомый съ аудиторіей, сообщилъ мнѣ свое впечатлѣніе отъ моей лекціи. Въ концѣ концовъ, я настолько привязался къ этимъ курсамъ, что когда мнѣ пришлось уѣхать изъ Харькова, то отъѣздъ былъ для меня тяжелъ и вслѣдствіе необходимости разстаться съ курсами. Рабочая аудиторія была такова, что ее нельзя было не уважать, нельзя было къ ней не привязаться. Явишься, бывало, на курсы усталый, но войдешь въ аудиторію, словно передается тебѣ настроеніе ея, и выходишь послѣ лекціи бодрый, жизнерадостный, съ вѣрою въ человѣка. А. Н. торжествовалъ, когда я подѣлился съ нимъ своимъ впечатлѣніемъ отъ аудиторіи, для меня новой».

Первоначальной цѣлью курсовъ было—дать рабочимъ элементарныя свѣдѣнія изъ области прикладныхъ знаній—черченія, рисованія, геометріи и др. Но А. Н. такая программа, конечно, не могла удовлетворить. Онъ постоянно говорилъ: «Дайте рабочимъ больше знаній, ибо эти знанія, какъ осушительные каналы, превращаютъ болото въ цвѣтущую пашню, искореняя

губительныя язвы невѣжества». Онъ хотѣлъ, чтобы удушавая, сѣрая жизнь людей походила на тѣ цвѣтушіе, благоухоющіе сады, которые онъ безконечно любилъ. И вотъ, мечта А. Н. осуществляется. Скрамная программа курсовъ въ продолженіе немногихъ лѣтъ расширяется, углубляется, и курсы превращаются въ сущности въ народный университетъ. Первоначально курсы помѣщались въ классахъ ремесленнаго училища. Но это помѣщеніе стало тѣснымъ и неудобнымъ для разросшихся курсовъ. А. Н. сталъ мечтать о постройкѣ собственнаго зданія. Онъ отправился въ Петроградъ и, благодаря его хлопотамъ, для постройки зданія курсовъ была выдана Министерствомъ финансовъ субсидія въ размѣрѣ 25 тыс. руб.

Однако, денегъ этихъ было все-таки мало. Тогда обратились за помощью къ городскому управленію и отдѣльнымъ лицамъ, и въ результатѣ, за годъ съ небольшимъ выросло огромное, прекрасное, благоустроенное зданіе, очагъ просвѣщенія трудовыхъ массъ, «курсы рабочихъ».

А. Н. читалъ лекціи на курсахъ не ежедневно, тѣмъ не менѣе онъ каждый день приходилъ на курсы раньше другихъ лекторовъ, желая вести жизнь курсовъ наилучшимъ образомъ. Если кто-либо изъ лекторовъ не являлся, А. Н. старался не позволять аудиторіи оставаться безъ лектора: онъ самъ всходилъ на кафедру и что-либо импровизировалъ слушателямъ изъ своей неисчерпаемой духовной сокровищницы.

А. Н. былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, лучшихъ людей, для которыхъ жизнь есть непрерывная разумная, одухотворенная дѣятельность, для которыхъ жизнь есть творчество; жить для него значило творить. Когда А. Н., послѣ поразившаго его удара былъ тяжело боленъ, и врачи послѣ нѣкотораго улучшенія сказали, что ему необходимо вести спокойную жизнь и избѣгать всего волнующаго и раздражающаго, онъ говорилъ: «Кому же я нуженъ, если я буду всего сторониться и сидѣть въ четырехъ стѣнахъ? Да лучше я проживу одинъ годъ настоящей жизнью, чѣмъ буду тянуть рядъ лѣтъ никому не нужной жизни».

Глубокая преданность культурно-просвѣтительнымъ идеямъ заставляла его не прекращать работу даже въ самыя трудныя минуты. Такъ, въ 1905 г., когда прекратились занятія вездѣ, а также и на курсахъ, А. Н., не взирая даже на запрещеніе администраціи, продолжалъ свои занятія. Онъ употреблялъ массу усилій на убѣжденіе своей аудиторіи беречь свои курсы и не вносить въ нихъ элементы злободневной политики. И успѣхъ былъ на сторонѣ А. Н., слушатели горячо любили и уважали

своего руководителя. Для нихъ было ясно, что расцвѣтъ курсовъ достигнутъ, благодаря трудамъ и заботамъ А. Н. Но, кромѣ того, они особенно цѣнили въ А. Н. его удивительно внимательное и чуткое обращеніе съ каждымъ въ отдѣльности. Каждый могъ обратиться къ нему съ тревожившими его сомнѣніями и вопросами, и встрѣчалъ отъ него теплый сердечный отвѣтъ. Такое отношеніе для рабочихъ было совершенно непривычно.

Общеніе съ рабочими-курсистами не ограничивалось только курсами. Дверь квартиры А. Н. постоянно была открыта для нихъ. Самъ А. Н. постоянно говорилъ, что лучшими собесѣдниками для него являются курсисты. И для курсистовъ особенно счастливы были тѣ дни, когда они дѣлали вмѣстѣ съ А. Н. экскурсіи въ окрестностяхъ Харькова.

Любовь и признательность рабочихъ къ А. Н. ярко выразились въ томъ адресѣ, который былъ поднесенъ ему отъ лица бывшихъ его слушателей передъ окончательнымъ переѣздомъ его изъ Харькова въ Батумъ:

«Высокоуважаемый и дорогой профессоръ Андрей Николаевичъ! Мы, рабочіе и работницы г. Харькова, узнавъ о Вашемъ отъѣздѣ изъ Харькова, чувствуемъ себя осиротѣлыми, оставленными. Мы видѣли въ Васъ лучшаго нашего друга и учителя. Ваши лекціи—бесѣды, полныя глубокаго знанія, проникнутыя Вашею любовью и желаніемъ дать намъ правильное пониманіе, вѣрное знаніе, оставили въ насъ неизгладимые слѣды. Мы, посѣщая Ваши лекціи, выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Отъ Васъ мы узнали какъ живетъ міръ, узнали о красотѣ природы и о томъ, какъ человѣку нужно жить въ мірѣ.

Вы тотъ, кому дороги интересы народа. Приглашая на курсы, которыхъ Вы были вдохновителемъ, лучшія научныя силы г. Харькова, Вы тѣмъ самымъ стремились сдѣлать доступными задачи и цѣли науки. Сами Вы, представляя собой народный университетъ, приобщили насъ, посѣщающихъ курсы, къ великимъ идеямъ, на знамени которыхъ написано: наука и рабочіе. Въ теченіе всего времени Вашей дѣятельности Вы были яркимъ лучемъ путевой звѣзды, предохраняя насъ отъ нежелательнаго и не нужнаго, указывая вѣрный путь къ достиженію благополучія—приобрѣтеніемъ знанія и развитіемъ себя въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Вы своей искренностью вызывали въ насъ чувство любви и стремленія къ идеальному и хорошему.

Примите же отъ насъ, высокоуважаемый Андрей Николаевичъ, наши искреннія чувства сердечной признательности и глубокое желаніе Вамъ здоровья и силы на многіе годы.

Пусть и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Вы будете жить, сила огня Вашей полезной дѣятельности свѣтитъ и грѣетъ окружающихъ Васъ. Живите долго и работайте много и всякъ, кто человѣкъ, скажетъ Вамъ сердечное спасибо.

Пусть и Ваше воспоминаніе о работѣ среди насъ, направленной къ осуществленію добра, способствующей умственному развитію, благосостоянію и прогрессу всѣхъ людей, утѣшитъ Васъ во всѣхъ трудностяхъ, могущихъ встрѣтиться Вамъ на пути.

Харьковъ намъ, рабочимъ, дорогъ въ воспоминаніи о Васъ. Вы же, вспоминая о сдѣланномъ для достиженія правды, будьте счастливы и радостны на всякомъ мѣстѣ».

Но, увы, этому напутствію не суждено было осуществиться. Благородная жизнь преждевременно угасла!

В. Томенко.